

РЕЛИГИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/181-197

Научная статья

© С. А. Иникова

ДУХОБОРЦЫ В ЛИФЛЯНДИИ: ПУТЬ НА ОСТРОВ ЭЗЕЛЬ И ПОСЕЛЕНИЕ

Статья посвящена изучению истории ссылки представителей секты духоборцев в Лифляндскую губернию на о. Эзель и в Динаминдскую крепость в конце XVIII в. Документы, извлеченные из архивов России, Эстонии и Украины, позволяют всесторонне показать ссылку как репрессивную меру, широко использовавшуюся государством в XVIII в. для решения проблем, связанных с религиозным инакомыслием. На примере духоборцев рассмотрены все этапы применения ссылки, начиная от совершения преступления, которое заключалось в антицерковных и антигосударственных высказываниях, в организации «сборищ», обращении в духоборческую веру православных, и последующей деятельности российской пенитенциарной системы. В статье показаны экономические и бытовые стороны жизни ссыльных духоборцев, особенности их поведения, взаимоотношения с местным начальством. Автор обратил внимание на те аспекты законодательства и правоприменительной практики, которые были нацелены не только на наказание, но и на исправление и возвращение вероотступников в лоно православной церкви, игравшей важную роль в этом процессе.

Ключевые слова: духоборцы, религиозное инакомыслие, законодательство, ссылка, Лифляндская губерния

Ссылка при цитировании: Иникова С. А. Духоборцы в Лифляндии: путь на остров Эзель и поселение // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 181–197.

Иникова Светлана Александровна — к. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: inikova_svetlana@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

* Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательской работы Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/181-197

Original Article

© *Svetlana Inikova*

DOUKHOBORS IN LIVONIA: THE WAY TO THE EZEL ISLAND AND SETTLING

The article is devoted to the history of the Doukhobor sect members' exile to Livonian province, to the Ezel island (nowadays Saaremaa) and to the Dynamind Fortress in the late 18th century. The documents from the archives of Russia, Estonia and Ukraine comprehensively show exile as a repressive measure, widely used by the state in the 18th century to solve problems related to religious dissidents. The study uses the example of the Doukhobors to examine all stages of exile, starting with the crime itself, which consisted in anti-church and anti-state statements, organization of gatherings, seduction of Orthodox Christians into the Doukhobor faith, and then subsequent activities of the Russian penitentiary system. The article describes the economic and daily life of the exiled Doukhobors, their behavior, and their relations with the local authorities. The author highlights those aspects of legislation and law enforcement practices, which were aimed not only at punishment, but also at the reformation and return of apostates to the bosom of the Orthodox Church, which played an important role in this process.

Keywords: *Doukhobors, religious dissent, legislation, exile, Livonian province*

Author Info: **Inikova, Svetlana A.** — Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: inikova_svetlana@iea.ras.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

For citation: Inikova, S. A. 2023. Doukhobors in Livonia: the Way to the the Ezel Island and Settling. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 181–197.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

XVIII в. очень сильно изменил социально-политическую, экономическую и культурную историю России. Он продолжил процессы, начавшиеся в предыдущем столетии, ускорив их и выведя на уровень цивилизационных поисков. Формирование капиталистических отношений, упрочение связи сельского населения с городом, повышение уровня грамотности народа и расширившиеся для искателей истинной христианской веры возможности контактировать с прибывавшими в страну представителями западных протестантских вероисповеданий, — все это способствовало появлению в России более подготовленной, чем это было раньше, почвы для усвоения новых религиозных идей, появлению в народе сообществ, часть которых оформлялась в секты.

Государство и православная греко-российская церковь боролись с проявлениями религиозного инакомыслия, но методы наказания и степень их жестокости в разные периоды XVIII столетия существенно отличались. Духоборческая секта¹, подвергавшаяся преследованиям на протяжении всей своей истории, в XVIII в. испытала на себе действие законов, направленных против вероотступников, и часть ее представителей прошла через российскую пенитенциарную систему, главным образом, ссылку. Изучение пребывания духоборцев в лифляндской ссылке позволяет рассмотреть вопросы, связанные с законодательством и правоприменительной практикой, дает возможность увидеть проявившиеся в экстремальных условиях присущие духоборческой секте черты, проанализировать особенности психологии и поведения ее членов, рассмотреть административно-организационную и бытовую сторону жизни религиозных диссидентов в ссылке.

Хронологические рамки работы ограничены последней третью правления Екатерины II (1762–1796), правлением Павла I (1796–1801) и первыми годами царствования Александра I (1801–1825). В последнее двадцатилетие XVIII в. активность духоборческой секты, тамбовско-воронежская часть которой потерпела в 1769 г. тяжелый разгром (Иникова 1997), переместилась в земли Войска Донского, в Харьковское и Екатеринославское наместничества². Административно-территориальное деление этого региона в XVIII в. неоднократно изменялось, так же как границы епархий; и контроль над религиозными настроениями и исповедной практикой там был значительно слабее, чем в губерниях, расположенных ближе к центру. Кроме того, в 1780-е гг. стали выходить в отставку³ отправленные в 1769 г. на службу в армию наиболее активные тамбовские и воронежские духоборцы, и некоторые из них предпочли не возвращаться на родину, а селиться южнее, чтобы, не привлекая к себе особого внимания, продолжить работу по распространению своего вероучения.

¹ В основу духоборческого учения, возникшего в начале XVIII в., были положены идеи западного протестантизма, в том числе анабаптизма и, возможно, польско-литовского антитринитаризма. Духоборцы считали, что поклоняться надо единому Богу духовно и не признавали ничего рукотворного в культовой практике: иконы, крест, таинства и проч. Истинная Церковь, по их убеждению, — это собрание верующих во главе с Иисусом Христом, и никакие посредники в отношениях человека с Богом не нужны. Господь сам научает духоборцев божественным истинам через откровение. Святых и Богородицу духоборцы почитали за их добродетели, но им не молились и не призывали на помощь. Сын Божий, однажды посланный Отцом на землю, продолжает пребывать в роду праведных во плоти руководителей секты. В душе верующего человека в памяти, разуме и воле запечатлен образ Божий, которому они поклонялись на молитвах. Духоборческая секта являлась мистической по своей сути, хотя и не имела экстатического культа. Таким людям как духоборцы, подчиняющимся и служащим только Богу, уже не нужны законы и правители. В первой половине XVIII в. духоборчество оформилось как организация. Социальной базой секты стали однодворцы, государственные крестьяне, казачество, а распространение она получила в Слободской Украине, Новороссии, Воронежской и Тамбовской губерниях, на территории Войска Донского.

² Слободско-Украинская губерния носила это название с 1765 г. по сентябрь 1780 г., с сентября 1780 г. и до конца 1796 г. — это Харьковское наместничество, с декабря 1796 г. опять Слободско-Украинская губерния. Екатеринославское наместничество существовало с 1783 по 1796 г., а с 1796 по 1802 г. оно называлось Новороссийской губернией. При переименованиях несколько изменялись и территориальные границы.

³ Служба в русской армии в XVIII в. до 1793 г. была бессрочной. Нижние чины освобождались от службы по состоянию здоровья и старости. С 1793 г. военную службу нижних чинов сократили до 25 лет.

Мужское население Изюмской оборонительной черты (1679–1680), Украинской линии (1731–1742) и быстро осваиваемой с середины XVIII в. территории, получившей в 1764 г. название Новороссии, состояло из служащих ландмилицких полков, пикинеров, казаков, однодворцев, часть которых то включали в казачество, то переводили обратно в сословие однодворцев, т. е. это было в подавляющем большинстве свободное служилое русское население. Многие его представители участвовали в русско-турецких войнах XVIII в. и осознавали собственную значимость как защитников царя и отечества и, естественно, хотели соответствующего уважительного отношения к себе и своим убеждениям. Духоборческое учение о внутренней церкви и поклонении Богу «духом и истиною», об образе Божьем в человеке и возможности его непосредственного общения с Господом, о равенстве всех людей по рождению и о свободной воле каждого как нельзя лучше соответствовало этим особенностям самосознания.

Массовые обнаружения и судебные процессы над последователями духоборческого учения в этот период происходили именно на этой территории, здесь же появилось название секты¹. Отсюда партиями вероотступников отправляли в ссылки.

Работ, посвященных наказаниям за преступления на религиозной почве, в том числе духоборцев, крайне мало, в особенности по XVIII в. Из общих работ следует отметить фундаментальную книгу А. Попова, одна из глав которой посвящена российскому законодательству о наказаниях за преступления против религии и нравственности в XVIII в. и практике их применения (Попов 1904). Отдельные краткие упоминания о пребывании духоборцев в ссылке можно найти в работах Ф. В. Ливанова, в заслугу которому надо поставить публикацию некоторых архивных документов (Ливанов 1870: 627–642, 633–639; Ливанов 1872: 521–527). В краеведческой работе И. Ф. Ушакова есть информация о пребывании донских казаков-иконоборцев и крестьянина Шацкого уезда, отступившего от православия, в ссылке в Кольском уезде, но автор не пошел дальше изложения некоторых обнаруженных им архивных материалов, и не установил, что эти люди были духоборцами (Ушаков 2007: 51–55). Хотя духоборцы в этот период многократно побывали в ссылках, по сути, эта тема оказалась вне поля зрения исследователей.

Преступление и наказание

С восшествием на престол Екатерины II (1762) государственная политика по отношению к религиозному инакомыслию претерпела некоторые изменения. Просвещенная монархиня считала, что отвращать «впадшего в преступления» человека надо «больше милосердием и увещанием», чем строгостью (ПСЗ 11.759). Тем более необходимо было увещивать и исправлять вероотступников. Еретики, раскольники и богохульники на основании «Духовного регламента» 1721 г. и указа 12 апреля 1722 г. (ПСЗ 3718; ПСЗ 3963) подлежали синодальному суду и увещиванию священниками. При Екатерине II эта процедура стала обязательной, длительной и многоступенчатой: «заблудший» проходил путь от приходского батюшки до духовного

¹ В своих рапортах в Синод от 18 марта, 27 августа, 24 сентября 1786 г. архиепископ славянский и херсонский Никифор (Феотокис) впервые назвал вероотступников из слободы Богдановка Павлоградского уезда Екатеринославского наместничества духоборцами (РГИА 3: 1–2 об., 5–7, 9–14). В официальных документах в последующие годы духоборцы фигурировали уже под этим именем.

правления, консистории и даже преосвященного. Раскаявшиеся клялись больше не отпадать от православия и получали прощение. Упорствовавших в заблуждении духовное ведомство передавало в земский суд, который и выносил приговор.

Судебная власть в изучаемый период не была отделена от административной, и приговоры по важным или спорным делам утверждал губернатор, а в случае неутверждения, дело рассматривал Сенат, мнение которого императрица одобряла или высказывала собственное. В XVIII в. в основе судебно-следственного производства лежал инквизиционный или розыскной процесс¹, для которого в первой половине столетия было характерно самое широкое использование пытки. Екатерина II ограничила ее применение, но пытка все же допускалась, если все другие способы убеждения преступника были исчерпаны (ПСЗ 11.717; ПСЗ 11.759). К духоборцам пытка на местах применялась не часто, и, во всяком случае, самооговоров с их стороны не было.

Под впечатлением от чтения трудов французских просветителей в «Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения», обнаруженном в 1767 г., Екатерина II провозгласила принцип веротерпимости: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца, и отводит их от заматерелого упорства <...>» (Наказ 2012 [1770]: 83). Однако это дозволение надо было давать осторожно и позволять только то, что «православную нашу верою и политикою не отвергаемо» (Наказ 2012 [1770]: 82), т.е. государство и церковь по-прежнему оставались разрешительными институтами, которые определяли вредность тех или иных религиозных воззрений и позволяли их или нет. Право распространять религиозное учение по-прежнему принадлежало исключительно православной церкви.

В соответствии с «Наказом», отступление от православной веры и церкви стало рассматриваться властью с точки зрения нарушения государственных и общественных устоев и интересов, а не как преступление против религии. Но поскольку эти нарушения вытекали из религиозных заблуждений, то на практике, несмотря на декларативные заявления о дозволении верить по-своему, государство и церковь не отказались от политики возвращения «заблудших» в лоно православия, только проводили ее более гуманными методами, чем это делалось раньше. Такой подход к проблеме сохранялся и при Павле I.

На местах статьи «Наказа», указы и пожелания царствовавших особ далеко не всегда выполнялись, да и сами самодержцы часто выносили приговоры под влиянием сиюминутных эмоций, но все же либерализацию государственной политики в отношении к вероотступникам отрицать нельзя.

При вынесении приговоров в светских судах по-прежнему делали ссылки на статьи Уложения 1649 г. и Воинские артикулы 1716 г., которые требовали для еретиков и богохульников самых жестоких наказаний вплоть до сожжения, но смертная казнь была заменена вечной каторгой еще при Елизавете Петровне, а при Екатерине II и Павле I упорствовавших в заблуждении отправляли на срок или бессрочно в ссылку в работы или на поселение, в монастырскую или крепостную тюрьму, в армию,

¹ Характерные черты инквизиционного процесса: 1) установлением виновности занималось государство; 2) дела велись тайно и в письменной форме; 3) обвиняемые не являлись участниками процесса, а объектами и не имели никаких прав; 4) судья одновременно представлял обвинение, защиту и суд; 5) весомость доказательств, получаемых в ходе розыска, была регламентирована, и приоритет отдавался признанию преступника, которое ставило точку в следствии.

но и там (за исключением армии) священники должны были их увещевать, а администрация сообщать в Сенат, появилась ли надежда на исправление.

С середины 1780-х гг. в однодворческом с. Богдановка и казачьем с. Никольское Павлоградского уезда Екатеринославского наместничества были обнаружены духоборцы. Увещевание их священниками, казалось, имело успех, но в 1788 г. жители этих слобод обратились к архиепископу екатеринославскому Амвросию (Серебренникову) с просьбой об удалении 49 духоборцев обоюбого пола из селений. В качестве причины они указали на отступление духоборцев от православия и соращение в свою секту других, а также на присутствие в их учении положений, «противных правительству и власти» (ОР РНБ: 23 об.). Амвросий, в свою очередь, поставил об этом в известность генерал-губернатора Екатеринославского и Харьковского наместничеств и в то же время командующего Екатеринославской армией Г. А. Потемкина. Видимо, дело ограничилось увещеваниями, поскольку шла очередная русско-турецкая война (1787–1791) и Потемкину было не до духоборцев.

После этого, в 1791 г. екатеринославский наместник В. В. Каховский дважды обращался к Потемкину с просьбой удалить духоборцев, однако у светлейшего были свои неотложные дела, правда, он пообещал, что «найдет им место» (ОР РНБ: 25–25 об.), но вскоре умер (16 окт. 1791). Довольно равнодушно к озабоченности Каховского отнесся и генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский (1764–1792). Тем не менее, стараниями В. В. Каховского в 1792 г. группа никольских и богдановских духоборцев все же оказалась в Екатеринославском наместническом правлении под стражей.

Аналогичная ситуация сложилась и в с. Берека Славянского уезда Екатеринославского наместничества. Духоборцы там были обнаружены в 1788 г. В июле того года они демонстративно заявили о себе: во время чтения в церкви манифеста по случаю рождения вел. княжны Екатерины Павловны, отправления литургии и благодарственного молебна несколько человек стояли в церкви у всех на виду и не изображали на себе крестного знамения, не делали коленопреклонений, а потом не подошли к кресту. При дальнейших расспросах священниками они говорили о церкви и ее преданиях «разные нелепости». Таких в селе оказалось чуть более 20 человек, но сознались в отступлении от церкви только восемь, которых увещевали в Константиноградском духовном правлении, и они обещали выполнять все требования церкви. Во время расследования в духовном правлении некоторые духоборцы жаловались на своих приходских священников, которые «сурово и жестоко с ними поступают и всегда брань бои причиняют» (РГИА 4: 3). Такие ситуации, когда священники пускали в ход кулаки в борьбе с «нелепостями» своих прихожан, были нередким делом и свидетельствовали о том, что какое-то время приходские батюшки боролись с духоборцами своими силами.

В 1791 г. в Береке обнаружили уже 37 духоборцев обоюбого пола. В документах они названы казаками с Дона (РГИА 4: 2 об.–3; РГИА 6: 3–3 об.; Выписки 1865: 527). Очевидно, это были донские казаки, переселенные на Украинскую линию. Священники Береки в донесении в духовное правление жаловались, что в церковь они не ходят, ругают ее и ее предания, не исповедуются и не причащаются.

Допросами духоборцев занялся Славянский нижний земский суд, а в мае 1792 г. их под караулом отправили в Екатеринославскую духовную консисторию в Полта-

ву¹. На допросах никто не выдал учителей и, как обычно было принято у духоборцев, все говорили, что пришли в возраст и «узнали несовершенства рукотворенной церкви», или уразумели из Священного Писания (Выписки 1865: 528).

Светские и духовные власти обратили особое внимание на ту часть признаний духоборцев, где они говорили о своем отношении к государству и царской власти. Духоборцы Береки не скрывали, что считают всех людей «по образу равными и одинаковыми», но признают различие людей, несущих общественную службу, т. е. по должностям и чинам, и поэтому «государыню самодержицу всероссийскую» признают «и по ея повелениям были в козачей службе, против неприятеля сражались и многие побиты, и теперь состоят в службе, но подданными себя ничьими не считают, а козаками, но и то ежели государыня окажет им законом милость, чтоб могли они по мыслям своим отправлять свободно богослужение, они обязаны будут против неприятеля сражаться и защищать всеми силами государыню, ея закон, свое богослужение, всех жителей России единоземцов своих, семейство свое и свои дома. А ежели государыня милости им не окажет в свободном их богослужении и содержащихся под стражею в разных местах людей за слово Божие не повелит освободить, то они отрицаются признавать ея за государыню и ея закон, против неприятеля вооружаться, а будут искать тех неприятелей, которые их дома разоряли, и ежели будут разорять без всяких причин. Разорение сие считают они чрез то, что их беспокоят и из места в место отсылали со всеми семействами за слово Божие» (Выписки 1865: 530; РГИА 4: 4–5 об.)². Духоборцы, как видим, вполне четко сформулировали условие, на котором может состояться их договор с государством: предоставление им свободы вероисповедания.

Несколькими месяцами позже Синод, сообщая секретарю Кабинета императрицы А. А. Безбородко о духоборцах с. Берека, особо отметил для дальнейшего донесения императрице, что, кроме отступления от истинной веры, эти люди «не считают себя подданными ничьими и о службе своей казачьей упоминают с условиями дерзкими» (Новые материалы 1890: 235; РГАДА 5: 2–2 об.).

Побывав в суде и духовной консистории, духоборцы оценили опасность сложившейся ситуации и решили искать защиту у недавно назначенного начальником отправляемых в Польшу войск генерал-аншефа М. В. Каховского — брата екатеринославского наместника В. В. Каховского. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. М. В. Каховский командовал второй дивизией Екатеринославской армии, и, видимо, участвовавшие тогда же в военных действиях, а теперь оказавшиеся под следствием духоборцы Александр Блудов и Иван Барбин знали его лично.

Чтобы осуществить свой план, 22 мая духоборцы заявили, что хотят послушать увещание от самого архиепископа екатеринославского Амвросия, который отъехал по делам, а до тех пор, пока он вернется, просили разрешить мужчинам жить в Полтаве не в остроге, а на квартирах, а женщин отпустить домой. Консистория разрешила, потребовав подписки о ежедневной явке мужчин, а женщин — по первому требованию. Письменных обещаний духоборцы не дали, а 5 июня 1792 г. объявили,

¹ В 1775 г. создана Славянская епархия, охватывавшая Новороссийскую и Азовскую губернии с центром в Полтаве. В 1786 г. Славянская епархия переименована в Екатеринославскую, но кафедра до 1797 г. была по-прежнему в Полтаве.

² Часть допроса, где духоборцы говорили об отношении к царской власти, в публикации «Русского архива» отсутствует. Полагаем, что она была опущена преднамеренно по политическим соображениям. Приводим выдержку из архивного документа.

что А. Блудов, И. Барбин и Михайло Строев отправились с прошением к генерал-аншефу М. В. Каховскому и к государыне в Петербург. Вскоре И. Барбин и А. Блудов были пойманы, а М. Строев возложенную на него миссию выполнить не смог (РГИА 4: 5 об.). Духоборцев отправили в г. Екатеринослав в наместническое правление, где уже велись допросы николевских и богдановских духоборцев.

В наместническом правлении всех собранных духоборцев из Никольского, Богдановки, Береки опять увещевал ученый священник; с ними неоднократно беседовал сам В. В. Каховский — по его выражению, «с кротостию и ласковостию» (Выписки 1865: 534), чтобы расположить к себе. В результате почти все николевские и богдановские раскаялись, за исключением нескольких человек, в том числе Петра и Кирилы Колесниковых — сыновей наставника духоборцев из с. Никольское Силуана Колесникова¹. Из духоборцев Береки, по словам Каховского, никто не раскаялся. К группе присоединили двух купцов Голубовых из Славянска Екатеринославского наместничества и двух девиц Лозовских, возможно, из с. Лозовское Харьковского наместничества. Таких упорных набралось 36 человек обоого пола.

В. В. Каховский ратовал за жесткие меры, направленные на искоренение духоборческой секты. Он считал, что «все, зараженные духоборством, не заслуживают человеколюбия»; и в то же время признавал, что образ их жизни основан «на честнейших правилах», однако, по его мнению, все ереси и последующие кровопролития вырастали «под видом кротости, человеколюбия и благочестия» (Выписки 1865: 534). О духоборцах было доведено до сведения Екатерины II, которая 27 августа 1792 г. повелела прислать их в Петербург. В письме от 16 ноября 1792 г., адресованном управляющему Кабинетом императрицы В. С. Попову, екатеринославский наместник сообщал, что он отправит духоборцев в столицу, как только подмерзнет дорога (Выписки 1865: 534).

Группа из 36 человек (20 муж. и 16 жен.) выехала из Екатеринослава только 10 февраля 1793 г. Екатеринославская казенная палата выделила на перевозку колодников 638 руб. 61 коп., еще 250 руб. неизвестно из каких сумм прислал из Петербурга вместе с ордером генерал-прокурор Сената А. Н. Самойлов (1792–1796). Сопровождала партию колодников команда во главе с капитаном Корнеевым. Этапировали духоборцев, которые считались секретными арестантами, не с такими строгими мерами предосторожности, как политических преступников, однако же, в отличие от уголовных, которые преодолевали расстояния до места ссылки в основном пешком или водным путем, духоборцы ехали на казенных лошадях в девяти санях и четырех повозках. Им не позволяли контактировать в дороге с кем-либо, а провизию на полагавшиеся кормовые деньги — три копейки на человека в день — закупали конвоиры. Поскольку цены на хлеб были высоки, то дополнительно на припасы истратили еще 89 руб. 25 коп. казенных денег, да купили для 10-ти женщин и 18-ти мужчин материал на рубахи и обувь (ЦГИАЭ²: 28). Старостой в этой группе был 46-летний духоборец из казаков Федор Кухтин.

¹ Силуан Колесников был одним из учителей, но не руководителем секты, и тем более не ее основателем. Благодаря тому, что он упомянут в «Записке, поданной духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 г. губернатору Каховскому», которая была написана Г. Т. Данниковым в 1803 г. и является фальшивкой, ему безосновательно стали приписывать роль основателя секты (Иникова 2014: 136–158).

² Автор выражает благодарность Е. А. Агеевой за предоставленное из ЦГИАЭ архивное дело.

Партия 30 марта прибыла в дер. Сорочнина, расположенную в 100 верстах от Петербурга. Несмотря на конвой и кандалы, на одиннадцатый день пути бежал Петр Колесников, правда, на свободе он был недолго: в 1794 г. его поймали и заключили в тюрьму. В Сорочниной духоборцы прожили неделю, но никто с ними никаких следственных действий не проводил и увещаний им не делал. О них то ли забыли, то ли сочли просто бессмысленным продолжать увещания. Возможно, те, кто должен был заниматься этими 35 духоборцами, не заинтересовались ими по той причине, что в Петербурге в Петропавловской крепости в это же время находились доставленные еще в феврале 1792 г. трое духоборцев из с. Большие Проходы Харьковского наместничества: братья Аникей и Тимофей Сухаревы и Михаила Щилов, которые своими дерзкими ответами и поведением отвлекли на себя внимание следователей и увещавателей.

В с. Большие Проходы Харьковского наместничества духоборцы были открыты в 1789 г. Их долго увещевали, и они, вроде бы, раскаялись, но весной 1791 г. вновь были обнаружены приходским священником. На допросах они говорили о церкви и ее обрядах то же, что и духоборцы из других селений, но братья Сухаревы, Михаила Щилов и еще несколько человек заявили, что не считают себя подданными российской государыни и еще не знают, будут ли платить подати. Более того, они внушали односельчанам, что Бог, создав людей, «не велел им никаких поборов, как ныне есть, брать и военных действий производить, и естли хоть одно селение с ними будет согласно, то они могут от оных быть свободными» (ЦГИАУ: 7–7 об., 15 об.–16). Духоборцы никогда так открыто да еще публично не выступали против высшей власти и государственного устройства. Даже когда они отказывались считать себя подданными государыни, вопрос об уплате податей не стоял, поскольку они признавали себя данниками. На последнем этапе увещаний и следственных действий упорными в своих убеждениях остались только братья Сухаревы и Щилов. Об их дерзостях стало известно императрице, и она распорядилась прислать этих троих в Петербург, где и должны были решить их судьбу (ОР РНБ: 27–29).

Духоборцы, попадавшие в поле зрения высшей власти, проходили через Тайную экспедицию при Сенате, главой которой был генерал-прокурор, а фактическим руководителем известный «кнутобоец» С. И. Шешковский. Тайная экспедиция занималась широко понимаемым политическим сыском, т. е. всем тем, что могло прямо или косвенно повредить императорской власти, а значит, и государству.

Побывав у Шешковского, Сухаревы и Щилов были направлены к митрополиту петербургскому и новгородскому Гавриилу (Петрову), который еще в 1768 г. увещевал явившихся в Петербург тамбовских духоборцев, а в 1781 г. безуспешно увещевал духоборцев, бежавших в Петербург из ссылки в Коле для подачи прошения императрице.

Гавриил отправил Сухаревых и Щилова к ректору духовной семинарии при Александро-Невском монастыре архимандриту Иннокентию (Дубравицкому). Запись беседы с одним из духоборцев, как свидетельство их дерзости, была представлена Гавриилом Шешковскому вместе с заключением митрополита: «Выше изображенные их мнения не только поставляют равенство, но и выбор, кого слушать и кому повиноваться. Такия мысли тем опаснее, что для крестьян могут быть лестны: сие извела Германия» (РГИА 7: 1 об., 3–8 об.). Гавриил считал учение

духоборцев результатом умствований анабаптистов и напомнил Шешковскому о созданной анабаптистами кровавой Мюнстерской коммуне в Германии. Главную опасность духоборческого учения Гавриил видел даже не в самих религиозных догматах, а в следовавших из них идеях равенства и свободы воли.

Архимандрит Иннокентий пытался увещевать духоборцев и, видимо, вел беседу с Аникеем Сухаревым. Их разговор представляет интерес не только по своему содержанию, но и как образец поведения духоборца в ситуации, когда в ходе беседы с нерядовым священником решалась его судьба. Вначале Аникей вообще не хотел разговаривать, но потом согласился, объяснив причину: «<...> чтоб освободиться от докучливости твоей и с дерзновением проповедать истину веры, буду отвечать на вопросы твои как могу». Опасность жестокого наказания его несколько не останавливала, и о службе в православной церкви он отозвался как о «шумных, тщеславных, соблазнительных и идолопоклоннических» собраниях; священников, дьяков назвал «пьяными и обижающими», которыми вместе с неправедными судьями будет наполнен ад (РГИА 7: 3, 4, 6, 8).

Предположение, что это был Аникей Сухарев, основано на том, что именно ему был вынесен наиболее суровый приговор: заключение в Соловецком монастыре. Тимофея Сухарева и Михайлу Щирова Екатерина II повелела сослать на о. Эзель (ныне Сааремаа), «употребляя их в работах, содержание ж определить им, как профосам¹; также смотреть и того, чтоб они не имели ни с кем сообщения, а при том однако ж того острога командиру стараться чрез священников внушать им о повиновении евангельской истине» (ЦГИАЭ: 51 об.). В случае «заметного раскаяния» комендант крепости должен был через шесть месяцев донести в Тайную экспедицию. Так что этим двоим все-таки оставили возможность когда-нибудь выйти на свободу.

Вызывающее поведение во время увещевания, которое продемонстрировал Аникей Сухарев, не было чем-то исключительным для духоборцев. Такую форму общения с чиновниками и священниками избирали наиболее фанатично настроенные члены секты, и их не останавливали ни высокий чин, ни высокий сан. И даже те духоборцы, кто, казалось бы, первоначально показывали смирение, в какой-то момент, когда давление усиливалось, переходили к пассивному, но очень упорному сопротивлению, случалось, заканчивавшемуся их гибелью. Позже это можно было наблюдать в Закавказье после массового отказа духоборцев в 1895 г. от оружия, службы в армии, признания себя подданными Российской империи и последовавших за этим ссылок, штрафбатов, тюрем, и в Канаде в XX в., когда представители радикального крыла духоборцев, известных как «сыны свободы», оказывались в тюрьмах за невыполнение канадских законов.

В нашем распоряжении имеется документ, исходивший от человека, находившегося в Соловецком монастыре одновременно с пребывавшими там духоборцами Аникеем Сухаревым (с апреля 1793 по 28 апреля 1795 г.) и донским казаком Иваном Сухоруковым (с 7 августа 1793 по 1802 г.). Речь идет о поляке Алексее Еленском или Елянском (с 26 сентября 1794 по 1801 г.), авторе социально-утопических сочинений, мистике и богоискателе, который очень интересовался сектантскими учениями и принял скопчество. Со слов духоборцев он написал записку «От слов духа борцов почерпнутое мудрствование», в которой есть описание ощущений, возникавших у членов этой секты в критических ситуациях, когда посторонние люди пытались их

¹ Профос — «военный парашник», убирающий нечистоты в военных лагерях (Даль 1994: 1370).

переубедить. К таким ситуациям, конечно же, относились увещевания. Когда человек «земного мудрствования», т. е. наученный по книгам, а не свыше, пытался читать им книги или беседовать с ними, то духоборцы «не хотят ничево слушать и принимать от людей речей, хотя бы и дело говорили им, и оне для того дерско или досадно говорят, несмотря на саны и лица человеческие». Сами духоборцы были уверены, что в этот момент «оне в Духе, а не во плоти обретаются, и тогда, что память открывает в разуме, таковые речи испускают из уст на свободу, слова, а откуда мысль разуму приносит, оне о том не стараются знать, а ради такового действия мнят, что оне пророки и не собою, а святым Духом прорекают, силою триединного в памяти, разуме и воле <...>» (РГАДА 1: 217–217об.).

Иными словами, духоборцы входили в особенное психическое состояние и без страха дерзили в полной уверенности, что это Св. Дух говорит их устами, иногда, как увидим ниже на примере Т. Сухарева и М. Щирова, доходя до состояния аффекта. Внешне они не делали ничего, чтобы войти в такое состояние, как это было у хлыстов или скопцов. Они не произносили и не распевали какие-то определенные молитвы, не совершали экстатические движения, но, по словам Еленского, «все мысли собирают внутрь себе», настолько концентрировались, что теряли связь с внешней реальностью и принимали это состояние за момент божественного откровения, и собственная жизнь уже не имела значения. Полагаем, что это состояние можно назвать измененным сознанием, характерным для членов мистических сект.

Поселение на Эзеле

Генерал-прокурор Самойлов 7 апреля 1793 г. сообщил рижскому и ревельскому военному генерал-губернатору кн. Николаю Васильевичу Репнину (1792–1794) об уже состоявшейся по воле императрицы отправке на Эзель 35 духоборцев из Сорочниной с тем, чтобы их употребляли в работы и давали положенное поселенцам пропитание. Из этой формулировки было совершенно неясно: посланы духоборцы в работу или на поселение. В каторжную работу колодников отправляли без семей и давали кормовые деньги, на поселение за колодником по собственному желанию могла ехать жена с детьми, и им выдавали сумму на обзаведение с тем, чтобы они на месте обеспечивали себя сами. В данном случае за мужьями ехали жены и племянницы, одинокие и с малолетними детьми вдовы, за братом следовала сестра и еще две девицы без родственников. Люди уже были в пути, а Самойлов еще только интересовался у Репнина, насколько удобно их поселение на острове и сколько потребуется средств на обзаведение (ОР РНБ: 35 об.–36 об.; ЦГИАЭ: 1).

Уголовных и политических преступников, а также разного рода еретиков, богохульников, раскольников по большей части ссылали в Оренбургскую губернию и Сибирь, в зависимости от потребностей государства потоки колодников перенаправляли в строившиеся крепости — Балтийский порт (Рогервик), Азов и Таганрог, на Днепровскую линию, или на казенные астраханские рыбные промыслы. Такой прагматичный подход к вопросу о наказании преступников возник и получил широкое применение при Петре I, когда для осуществления его планов по преобразованию страны потребовался дешевый подневольный труд. Такой подход сохранялся и при его преемниках. Параллельно ссылка на поселение должна была решать про-

блему заселения пустующих территорий. «Духовных», т. е. монахов и священников, чаще отправляли в монастырские тюрьмы и туда же иногда помещали секретных политических колодников и особо опасных еретиков.

Когда в 1769 г. встал вопрос о наказании тамбовских духоборцев, тогда еще не имевших этого названия, шла русско-турецкая война (1768–1774) и Екатерина II сочла за лучшее отправить их служить отечеству: годных к службе — в качестве солдат, а негодных — строителями крепостей. Ни в армии, ни в крепости Азов духоборцы не были изолированы от православных и продолжали распространять среди них свое учение.

Этот урок правительство постаралось учесть, отправляя в воинскую службу в 1778 г. донских казаков-духоборцев. Сенат избрал для них острог Колу в Архангельской губернии¹ — отдаленное место, где было мало русского православного населения и тяжелые климатические условия, которые должны были отнимать много сил и способствовать пересмотру их «еретических» убеждений. На сей раз пригодных к службе было всего шесть человек из 20 мужчин. Возраст четверых из этих шести приближался к верхней границе, поскольку в царствование Екатерины в армию брали от 15 до 35 лет, вопрос об их службе в армии не стоял. Для екатеринославских и харьковских духоборцев местом ссылки был избран о. Эзель в Балтийском море.

В Остзейском крае, как тогда называли три прибалтийские губернии (Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую)², колодников отправляли в Балтийский порт (Рогервик), Динаминдскую крепость около Риги и в Ревель. Местная администрация трех губерний старалась не принимать каторжан, мотивируя свое нежелание отсутствием казенных работ и места для их поселения, а также малочисленностью воинских команд для охраны (РГАДА 6: 1–2; РГАДА 7: 71; РГАДА 8: 1; РГАДА 9: 10; РГАДА 10: 1–3, 19). Однако по мере увеличения потребности в рабочей силе или для «разгрузки» традиционных направлений ссылки небольшие партии колодников туда все же отправляли.

Эзель был населен эстами, не знавшими русского языка, имевшими свою культуру и лютеранами по вероисповеданию, так что духоборцы никак не могли бы распространять свое учение среди местного населения. Определенную роль в выборе Эзеля сыграло и то, что он находился сравнительно недалеко от Петербурга и Сорочниной, а два указа екатерининского времени как раз касались вопроса об отправке колодников в ссылку в ближайшие к месту их содержания пункты (ПСЗ 11.639; ПСЗ 14.077).

В главном городе Эзеля Аренсбурге (ныне Курессааре) уже проживали несколько духоборцев. Они появились там в 1781 г. Это были два духоборца из донских казаков Василий Редечкин и Антон Поцелуев, бежавшие из Колы и сумевшие подать императрице прошение об освобождении их от работ. По предложению генерал-прокурора Вяземского Екатерина II повелела отправить их на о. Эзель в г. Аренсбург на поселение, где они должны были сами добывать себе пропитание, но с условием — не разглашать свою ересь. К ним в Аренсбург из Колы отправили жену Василия Редечкина

¹ Часть донских казаков была поселена в Новодвинской крепости, поскольку в маленькой Коле, где уже были ссыльные, поселить всех было невозможно. Пребывавшие в Новодвинской крепости привлекли в свою секту несколько семей из местного населения.

² Лифляндия и Эстляндия были присоединены к Российской империи в 1721 г. по Ништадскому миру со Швецией, а Курляндия вошла двумя частями в 1772 и 1795 гг. после разделов Польши. Ныне это территория современных Эстонии и Латвии.

и мать Антона Поцелуева (ОР РНБ: 12, 13–13 об.; ГААО: 1–13). Это уже была маленькая община, вскоре пополнившаяся младенцем у четы Редечкиных. Возможно, этот случай и дал повод высшей власти рассматривать Эзель как подходящее место ссылки для духоборцев.

24 апреля 1793 г. духоборцы из Сорочниной прибыли в Ригу. Щиров и Сухарев были отправлены из Петербурга отдельно спустя непродолжительное время. Незадолго до прибытия группы Федора Кухтина Репнин послал запрос вице-губернатору Рижского наместничества (губернатору Лифляндии) Б. И. Кампенгаузену, который находился в то время на Эзеле, входившем в Лифляндскую губернию. 26 апреля 1793 г. вице-губернатор ответил рапортом, детально рассмотрев все возможные варианты поселения ссыльных.

Прежде всего, по распоряжению Кампенгаузена была составлена «Записка: сколько чего именно на острове Эзеле рабочий человек на свое содержание, на одежду и обувь обыкновенно получает и примерная оному всему цена». Указанное в ней необходимое количество продуктов на год превышало нормы содержания колодников, разработанные еще в 1723 г., затем подправленные указом Адмиралтейской конторы в 1770 г. и сенатским указом от 2 марта 1775 г. (ПСЗ 14.260; РГАДА 10: 4). В записке в качестве нормы было указано 7 пур¹ (21 пуд или 344,4 кг) ржи, одна пура (3 пуда или 49,2 кг) ячменя и немного гороха. Исходя из записки, рабочему человеку полагалось на год одна овца и половина туши свиньи да еще два пуда (32,76 кг) соленой салаки. Кампенгаузен считал необходимым употребление рабочим человеком «кореньев», возможно, речь шла о картофеле. Правда, баранья шуба, которую должны были выдавать колодникам раз в три года, в записке вообще не упоминалась, как и вареги (вязаные рукавицы), да и крестьянских башмаков прописано вместо трех пар только две, зато указана шерсть на чулки и шляпа. Впрочем, соблюдение норм обеспечения колодников всецело зависело от местного начальства и обычно занижалось. Все пропитание и одежда на год были оценены автором записки в 25 руб. 30 коп. (ЦГИАЭ: 22). С учетом этих норм и цен Кампенгаузен искал для прибывших возможные варианты трудоустройства и поселения.

Можно было бы раздать духоборцев государственным крестьянам в работники, но выяснилось, что у эзельских крестьян есть обычай не нанимать в работники чужих, а брать в помощники только родственников, да и недостаточное количество земли не позволяло им нанимать кого-то чужого.

Хорошим вариантом была бы казенная работа, но в маленьком Аренсбурге ее не было и не предвиделось, а починкой крепостных строений занимались солдаты аренсбургского батальона, получая за это по 10 коп. в день. Проблема заключалась в том, что починкой можно было заниматься только в теплое время года и заработать за сезон 14 руб. 40 коп. И в этом случае казне пришлось бы добавлять каждому работавшему колоднику 10 руб. в год. Но в группе были и неспособные к тяжелой физической работе, которые в этом случае оставались без всякого содержания. Проблемой было и то, что во время работы в крепости духоборцы неизбежно общались бы с солдатами — «природными россиянами».

Оказалось, что и разместить прибывших на острове негде: в Аренсбурге была маленькая тюрьма для секретных колодников всего «на шесть покоев», а размещение их по квартирам стало бы в тягость местным жителям (ЦГИАЭ: 17–18 об.).

¹ Пура — мера веса, равна 3 пуд. или 49,2 кг.

Рассматривался, как возможный, и вариант отдачи духоборцев в работу помещикам, но Кампенгаузен пришел к выводу, что лучше всего посадить их на землю и дать средства на обзаведение скотом, лошадьми, орудиями, чтобы они сами обеспечивали себя (ЦГИАЭ: 19–19 об.). В этом случае их надо было бы содержать за казенный счет только до жатвы 1794 г. Однако Эзель был плотно заселен, и если где-то и были небольшие свободные участки земли, то только потому, что их скудные почвы не могли прокормить земледельцев. К моменту прибытия духоборцев из Риги на Эзель в первой половине мая, на что рижская казенная палата выделила еще 100 руб., вопрос с их устройством так и не был решен.

Партия пробывала в пути от Екатеринослава до Эзеля три месяца, и доставка колодников (с учетом обратного пути конвоиров) обошлась казне в значительную сумму — 1023 руб. 06 коп. (ЦГИАЭ: 28–29). По прибытии, когда состоялась передача духоборцев капитаном Корнеевым начальнику местной команды, они при прощании «о добром и милосердном его с ними поступке отозвались со всякою признательностью и похвалою» (ЦГИАЭ: 26 об.), о чем Кампенгаузен не преминул сообщить в рапорте Репнину.

От капитана Корнеева во время пути зависела жизнь ссыльных. Они могли благодарить его за то, что он справедливо выдавал деньги и закупал провиант, или не бил за нерасторопность, но речь здесь идет о каком-то его конкретном поступке. Можно высказать предположение, что Корнеев разрешил всем или только женщинам в пути быть без кандалов, несмотря на побег Петра Колесникова. Такая практика хорошо известна для XIX в., когда начальник конвоя брал со старосты конвоируемых слово не совершать побегов и разрешал снять кандалы, которые потом они надевали только перед прибытием в пункт назначения.

В именном списке прибывших кроме 35 взрослых были указаны еще пятеро младенцев от полугода до двух лет. Судя по возрасту, дети родились еще во время пребывания матерей в екатеринославской тюрьме, но при отбытии партии из Екатеринослава, а затем из Сорочниной указывать младенцев в списке не стали, видимо, не надеясь, что они перенесут тяжелый путь и доедут до места (ЦГИАЭ: 9–9 об.). Средний возраст ссыльных без учета младенцев составлял у мужчин 37,9 лет, у женщин 28,5 лет. Девять человек из присланных оказались больны, и их сразу отправили к лекарю; двое были инвалидами детства, остальные, а это 24 души взрослых обоюго пола, здоровы и работоспособны (ЦГИАЭ: 26). Однако вице-губернатор Кампенгаузен пришел к заключению, что в партии слишком много неспособных к физическому труду, «поэтому по крайней мере на первый случай невозможно будет поселить их здесь с тем, чтоб они сами себе снискивали нужное пропитание, особливо же вовсе не разумея по здешнему месту за везде каменистою землею весьма трудной род работы» (ЦГИАЭ: 34 об.).

По просьбе духоборцев Кампенгаузен разрешил им пожить несколько дней недалеко от города, разумеется под охраной. До принятия окончательного решения духоборцев поселили на казенную мызу и вместо колодничьих 3 коп. стали выдавать солдатские 10 коп. в сутки. Вице-губернатор предложил генерал-губернатору Репнину пока содержать их за счет казны, причем положить на взрослых и детей равную сумму, а не половину. В эти 10 коп. входили расходы на питание, одежду и квартиру. Кампенгаузен обещал со своей стороны постараться подыскать им другие средства на содержание, чтобы не тратить казенные.

Через генерал-прокурора Сената Репнин попытался уточнить высочайшее повеление: присланы ли духоборцы на каторгу или на поселение. 23 мая Екатерина II в тех же словах повторила свою волю, но в то же время потребовала прислать ей мнение об удобности их поселения и сумме, необходимой им на обзаведение (ЦГИАЭ: 38).

Репнин переложил решение столь непростой задачи на вице-губернатора. Кампенгаузен предложил поселить духоборцев на небольшую мызу Ганпус, «коей пашни были таких худых качеств, что едва можно было найти к ней арендатора». Там было 44 десятины пашни, 123 десятины сенокосов и 105 1/3 десятин неудобной земли под пастбище. Еще и расположение мызы, по его словам, было очень неудачным, хотя она находилась в 15 верстах от Арнсбурга. Кампенгаузен, признавая, что «от одного токмо земледелия столь великое число людей содержать себя никак не в состоянии», предложил еще освободить духоборцев от всяких казенных податей и разрешить им заниматься другими работами, рыбной ловлей, мелочной торговлей внутри острова. Правда, эти занятия подразумевали свободу передвижения и общения с местным населением, но Кампенгаузену эти ссыльные показались людьми смиренными и послушными. Впрочем, и убежать с острова было непросто.

На обзаведение хозяйством средств у них не было, поэтому требовалась значительная сумма из казны, «отдача коея, — по словам вице-губернатора, — весьма сомнительна». Кроме того, занять мызу было возможно только после Пасхи 1794 г., и до тех пор, пока духоборцы не вырастят свой урожай, казна должна будет выплачивать им кормовые деньги. Плюсом поселения на мызе Ганпус было наличие там ветхих, но вполне подходящих на первое время строений (ЦГИАЭ: 44–46).

Перед тем как дать ответ на заданные императрицей вопросы, Репнин сам побывал на острове и не позднее 25 июня 1793 г. в донесении Екатерине II описал мызу Ганпус и высказал уверенность, что поселенные там духоборцы «со временем и доход казне против протчих тамошних крестьян приносить станут», но на обзаведение и на семена им надо выделить тысячу рублей; давать по 10 коп. в день по сентябрь 1794 г. и освободить от податей на шесть лет. Репнин считал, что для наблюдения за духоборцами достаточно поселить на мызе одного пристава из гарнизона (ЦГИАЭ: 55–56). Этот план 25 июля 1793 г. был одобрен государыней, а о последующем возврате тысячи рублей речь не шла. Духоборцам надо было как-то обустроиться в ссылке, поскольку никто не знал, как долго она продлится и не превратится ли в вечную.

(Продолжение следует).

Источники и материалы

- Выписки 1865 — Выписки и извлечения из рукописей Решетилковского архива. XIX. Акты о духоборцах // Русский архив. 1865. № 516. С. 527–534.
- Ливанов 1870 — Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. СПб.: тип. М. Хана, 1870. Т. 2. 819 с.
- Ливанов 1872 — Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. СПб.: тип. М. Хана, 1872. Т. 3. 626 с.
- Наказ 2012 [1770] — Наказ Ея Императорскаго величества Екатерины Вторыя самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта Новаго Уложения. М., 2012 [1770]. 115 с.

- Новые материалы 1890 — Новые материалы для истории старообрядчества 17–18 веков / Собр. Е. В. Барсов. М., 1890. 235 с.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825):
- ПСЗ 3718 — Т. VI. № 3718 от 25 января 1721 г. С. 314–346.
- ПСЗ 3963 — Т. VI. № 3963 от 12 апреля 1722 г. С. 650–652.
- ПСЗ 11.639 — Т. XVI. № 11.639 от 8 августа 1762 г.; С. 48.
- ПСЗ 11.717 — Т. XVI. № 11.717 от 2 декабря 1762 г. С. 124.
- ПСЗ 11.759 — Т. XVI. № 11.759 от 17 февраля 1763 г. С. 162.
- ПСЗ 14.077 — Т. XIX. № 14.077 от 30 ноября 1773 г. С. 867–868.
- ПСЗ 14.260 — Т. XX. № 14.260. от 2 марта 1775 г. С. 62–64.

Архивные документы:

- ГАОО — Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1, т. 8. Д. 66.
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F1, 761.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГАДА 1 — Ф. 7. Оп. 2. Д. 2849.
- РГАДА 5 — Ф. 163. Оп. 1. Д. 25.
- РГАДА 6 — Ф. 248. Оп. 113. Д. 308.
- РГАДА 7 — Ф. 248. Оп. 113. Д. 314.
- РГАДА 8 — Ф. 248. Оп. 113. Д. 335.
- РГАДА 9 — Ф. 248. Оп. 113. Д. 1376.
- РГАДА 10 — Ф. 248. Оп. 113. Д. 1528.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- РГИА 3 — Ф. 796. Оп. 67. Д. 189.
- РГИА 4 — Ф. 796. Оп. 73. Д. 328.
- РГИА 6 — Ф. 797. Оп. 1. Д. 1162.
- РГИА 7 — Ф. 797. Оп. 87. Д. 32.
- ЦГИАЭ — Центральный государственный исторический архив Эстонии (Тарту). — Ф. 291. Оп. 1. Д. 2496.
- ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф. 1709. Оп. 2. Д. 1726.

Научная литература

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс — Универс, 1994. Т. 3.
- Иникова С. А.* Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVIII века // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 1997. Вып. 1. С. 39–53.
- Иникова С. А.* «Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому»: история создания // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 136–158.
- Попов А.* Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. 516 с.
- Ушаков И. Ф.* Ссылка на Кольский Север в досоветское время. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2007. 167 с.

References

- Dal', V. 1994. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Progress — Univers. 912 p.
- Inikova, S. A. 1997. Tambovskie dukhobortsy v 60-e gody XVIII veka [Tambov Doukhobors in the 60s of the XVIII Century]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarny'e nauki. 1997. 1: 39–53.

- Inikova, S. A. 2014. “Zapiska, podannaya dukhobortsami Ekaterinoslavskoj gubernii v 1791 godu gubernatoru Kakhovskomu”: istoriya sozdaniya [“A Note Submitted by the Doukhobors of Ekaterinoslav Province in 1791 to Governor Kakhovsky”: the History of Creation]. *Voprosy istorii*. 7: 136–158.
- Попов, А. 1904. *Sud i nakazanie za prestupleniya protiv very i npravstvennosti po russkomu pravu* [Trial and Punishment for Crimes Against Faith and Morality under Russian Law]. Kazan’: Tipo-litografiia Imperatorskogo Universiteta. 516 p.
- Ushakov I. F. 2007. *Ssylka na Kol’skii Sever v dosovetskoe vremia* [Link to the Kola North in Pre-Soviet Times]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel’stvo. 167 p.